

ЛІТЕРАТУРНА КЛАСИКА XVI–XVIII СТОЛІТТЯ: ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНА РЕЦЕПЦІЯ ТА СУЧАСНІ НАУКОВІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

УДК 821.111

О. В. Родный

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

У статті розглядаються міфопоетичні джерела сміхової культури. Діонісійські ігри, давньогрецька комедія, середньовічний карнавал досліджуються в їх генетичних зв'язках з античною міфологією і визначаються як ті форми духовно-практичної діяльності, що стали для культури традиціоналізму ефективними інструментами подолання світоглядних протиріч. Взаємозв'язок міфології і сміху характеризується тим, що предмети чи явища постають у вигляді плутанини, хаосу, які людина повинна подолати. У традиційній культурі міфологія, стародавні свята, пов'язані з нею, карнавал раннього середньовіччя стали важливими інструментами, які спрямовані на відтворення багатовекторного погляду на світ, намагаючись відтворити об'ємне бачення світу, в якому крайності з'єднувалися б в одне ціле без участі міфопоетичної основи сміхової культури.

Ключові слова: міф, сміх, сміхова культура, міфопоетична свідомість, символізм сміху, діонісизм, метонімія, давньогрецька комедія.

В статье рассматриваются мифопоэтические источники смеховой культуры. Дионисийские игры, древнегреческая комедия, средневековый карнавал исследуются в их генетических связях с античной мифологией и определяются как те формы духовно-практической деятельности, которые стали для культуры традиционализма эффективными инструментами преодоления мировоззренческих противоречий. Взаимосвязь мифологии и смеха характеризуется тем, что предметы или явления предстают в виде путаницы, хаоса, которые человек должен преодолеть. В традиционной культуре мифология, древние праздники, связанные с ней, карнавал раннего средневековья стали важными инструментами, направленными на воссоздание многовекторного взгляда на мир, пытаясь воссоздать объемное видение мира, в котором крайности соединялись бы в одно целое не без участия мифопоэтической основы смеховой культуры.

Ключевые слова: миф, смех, смеховая культура, мифопоэтическое сознание, символизм смеха, дионисизм, метонимия, древнегреческая комедия.

The article deals with the laugh culture myth-poetical sources. Collective laughter, based on the myth-poetical consciousness, was the most important component of the ancient continuum. It found expression in the relevant cults, rituals, literary genres. Greek and Roman laugh cultures are based on the ancient mythological sacred laughter tradition. The mythology laughter characterized by the fact that the order of an object or phenomenon is given in the form of confusion, chaos, which a person must overcome. Laughter and myth both deify man, reduce the distance between the ideal and the real life, inserting it into the communication sphere. The symbolism of the divine laughter is based on the symbolism of freedom: the Olympic gods are free from fear and limitation. Laughing man is like a God, going into the same spiritual space of freedom, raising over social taboos.

The essence connection between myth-poetical and laugh sources of the culture reveals in Dionysianism as a particular kind of «choral» state, in which the in-

dividual soul outgrows itself, breaking out of a unit in the Entity. Dionysian comic source is based upon metonymy which is a form of the trope, genetically ascending to myth and mostly defining – in the arsenal of the literary devices – the refraction of the principle «everything in the all» basic for mythology in the models of the world created by the antiquity literature. Thus the ancient Greek comedy is the ontological system in which the conception of the relationship between man and the external reality manifests itself. In the antiquityconsciousness the comedy laugh possesses the sacred essence due to the attitude of the special «enrapture» state of the mystery participants to God’s beneficial energy. In the wholemythological laughter did not act against the official seriousness; moreover – it indirectly – through the weakening of norms and restrictions of the society – supported the official culture, maintaining social stability. In the traditional culture mythology, ancient holidays, related with it, and early medieval carnival become important tools of the spiritual-practical activity directed to the recreation of three-dimensional view of the world, overcoming outlook and connecting the centre and the marginalia of the individual self-identification.

Key words: myth, laughter, laugh culture, myth-poetical consciousness, symbolism of laughter, Dionysianism, metonymy, ancient Greek comedy.

Мифопоэтическое мировосприятие является одним из основных видов человеческого мировосприятия, которые, в свою очередь, предполагают специфическую онтологию и аксиологию, непосредственно связанные с гносеологическими и антропологическими установками, на которых данный тип мировосприятия базируется. А. Ф. Лосев определял миф как «обобщенное отражение действительности в виде чувственных представлений или, точнее, в фантастическом виде тех или других одушевленных существ» [3, с. 458]. Миф является обязательным и неизбежным основанием любой культуры и любого мировосприятия и одним из необходимых элементов познания, по своей природе он есть чувственно-интеллектуальное образование, соединяющее в себе осмысление реальности и продуцирование ценностных смыслов. Для гуманитаристики изучение мифа и мифопоэтического является одной из приоритетных сфер познания, поскольку миф непосредственно связан с мировоззрением как отдельной личности, так и крупных национально-этнических образований. А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» показывает, что миф – не выдумка, не фикция, но имманентно присущая личности особенность мышления (и, шире, восприятия мира), он «содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть... необходимая категория бытия и сознания вообще» [2, с. 10].

Находясь в культурном поле, миф образует универсалии культуры – наиболее распространенные и наиболее значимые формы социальной и культурной жизни, присущие всем народам независимо от их этнических, социальных, экономических и др. особенностей – это нормы, ценности, идеи, стереотипы мышления и поведения, верования и т. д. Как указывает В. М. Пивоев, «миф является истиной метафизической, выражающей высшие духовные ценности» [4, с. 4].

Смех, так же как и миф, является одной из антропологических констант существования человека; он сопровождает человечество на протяжении всей истории его существования. Смех можно рассматривать как важнейший элемент онто- и филогенеза мифологической культуры; функции смеха в обществе и отношении к нему служат показателями культурного и общественного развития, социальных, политических и идеологических ориентаций общества.

Смеховая культура – неотъемлемая часть любого общества – своими корнями уходит в миф, для которого, в свою очередь, характерны противоречия, смещения смыслов, смены, подмены, путаницы и т. д. Все это разворачивается в оппозиции: «порядок – хаос». Для мифологии смеха характерно то, что порядок

того или иного предмета или явления дается в форме беспорядка, хаоса (в той или иной степени). Если нарушена структура предмета, – мы имеем ту или иную меру деструктивности. Если нарушены смыслы, – мы имеем определенную меру бессмысленности. Все эти аспекты и лики хаоса даны человеку для преодоления. Смеховая культура и является способом разрешения указанных противоречий. При этом противоречие тем острее, чем ближе человек находится к границе своего постижения мира. Именно в пограничной зоне наиболее вероятны противоречия смешения меры вещей, характерные для мифа.

Таким образом, смех является своеобразным маркером, характеризующим состояние общества. Это и другие свойства смеха еще с античности привлекали внимание исследователей. Определяющее влияние на теорию смеха имели взгляды Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, выделивших аксиологические, эстетические, этические параметры смеха. Второй традицией, оказавшей воздействие на понимание смеха, стала немецкая классическая философия, представленная трудами И. Канта, Г. Гегеля, Ж.-П. Рихтера и локализовавшая феномен смеха в сфере взаимодействия субъекта и объекта смешного. Третья традиция реализована в работах представителей иррационалистического направления: А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда. Двое последних посвятили исследованию смеха специальные труды, оказавшие определяющие влияние на исследования в XX в. Теория смеха М. М. Бахтина, выстроенная им в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», послужила стимулом для дальнейшего изучения смеха. В науке постсоветского пространства проблемами смеха плодотворно занимаются Д. Затонский, А. Сычев, Л. Карасев, М. Рюмина и др. Целью данной статьи является рассмотрение мифопоэтических составляющих смеха, его роли в инверсии мифологического сознания.

Греческая, а позже и римская народно-смеховая культура опирается на древнюю мифологическую традицию, признающую за смехом сакральный статус. В скульптуре архаичные греческие божества изображались с канонической улыбкой на лице (т. н. «архаическая улыбка»). Олимпийские небожители также не избегали человеческого смеха (как и всего человеческого).

Смех, как и миф, лишает мир разумных объяснений, причинно-следственных связей и т.п. Но, разрушая, смех, подобно мифу, одновременно созидает – творит свой фантастический мир, который несет в себе определенное мировоззрение, отношение к окружающей действительности. Более того, смех провоцирует хаос, сметающий отжившие устои общества, и он же после этого приводит мир к гармонии: «Смех – подобие жизни (гармония, возникающая вопреки хаосу). Смех всегда есть смех над хаосом во имя гармонии, он – гармонизация хаоса» [1, с. 68].

По мере культурного роста общества, усложнения социальной интеракции проявления смеха стали более оформленными в различные стилевые и жанровые составляющие. Пространство смеха позволяло существенно расширить эстетические, этические, социальные границы творчества, существенно оптимизировало задачи искусства, усиливало его роль в культурном и социальном развитии, не порывая своей связи с древними мифами.

Смеховая культура мифа закрепляется в специфических символах и фигурах, которые так или иначе указывают на определенную меру соотношения хаотического и упорядоченного, присущую различным модификациям комического.

Божественное происхождение человеческого смеха придает ему особый, сакральный статус и особые права. Смех как «форма близкого видения» (М. М. Бахтин) сворачивает дистанцию между идеальным и реальным, делает далекий ранее предмет более близким, вводит его в сферу коммуникации и вписывает его в интимную мировоззренческую картину. В этом смысле смех также мифологичен (миф тоже в какой-то мере есть способ свернуть дистанцию), и

пара «смех – божественность» кажется еще более неразделимой, стремящейся к онтологической оплотненности.

Символика божественного смеха опирается, прежде всего, на символику свободы: олимпийские боги свободны от страха и ограничений. Смеясь, человек уподобляется божеству, входя в то же духовное пространство свободы от общественных запретов, пространство неограниченной коммуникации равных. Ярким выражением этой свободы являются оргиастические обряды античной древности, корректирующие растущую общественную дифференциацию: культ объединяет людей во временную крупномасштабную общность, намного превосходящую все существующие в обыденной жизни общности и группы. Наиболее развитым из подобных объединяющих культов является культ Диониса. Механизм этого культа подобен механизму опьянения, когда наружу вырываются инстинктивные, бессознательные порывы, происходит разрыв с обыденностью и человеческая душа чувствует единение со всем сущим и понимание всего сущего – органическую и оргиастическую связь с природой. В этом состоянии даже боль приносит радость, и хаос не внушает ужаса – сама душа есть часть этого хаоса.

В основе создания комического эффекта дионисизма лежит такое художественное средство, как метонимия.

Происхождение метонимии и ее природа обусловлены ее тесной связью с мифом. Известный современный немецкий философ Курт Хюбнер полагает, что «гомерический смех» является... основной составной частью греческого мифа... Шутовская (буффонская) пародия оказывается даже важнейшей стороной всей жизни богов. К этому следует добавить, что уродством и бранной речью, так называемыми эхологиями, сопровождалась культовые действия, например, во время тесмофорий (праздников плодородия), Великих процессий Дионисия и в других случаях. Неискоренимым предрассудком остается мнение, согласно которому миф есть очень серьезное дело и боги должны всегда шествовать с достоинством. Грек же представлял себе это совершенно иначе. Для него юмор есть выражение божественного в людях» [6, с. 401].

Произведение художественной литературы содержит в себе определенные представления о мире. Так, древнегреческая комедия представляет собой онтологическую систему, в которой выражена и обоснована концепция взаимоотношений человека и внешней действительности.

В комедии отражены традиционные онтологические взгляды древних греков. Более того, людей, наблюдающих за комедийным зрелищем в Древней Греции, объединяло совместное нахождение перед лицом бога. Таким образом, людей и бога объединял смех – своеобразная форма жертвоприношения. Комедийный смех сакрализуется в античном сознании, которое связывает благотворную энергию божества с особым восторженным состоянием участников представлений.

Идея временного игрового нарушения бытийных основ в античной комедии связывалась со своеобразной художественной концепцией человека. Комедия трактовала и судила человека с точки зрения его отказа от принятых в обществе нравственных норм и поведенческих ориентиров. Художественным эквивалентом данного типа человеческого качества являлся комедийный персонаж, наделенный деформированным внешним видом. Деформированный образ персонажа можно рассматривать как одну из наиболее важных примет нарушенного божественного мироустройства. Человек занимает видное место в структуре античной картины мира, феномен человека, его облик рассматривались как результат божественного установления. Распад же целостного образа человека выступал одним из главных источников смеха в древнегреческой комедии.

Разрушая целостный образ комедийного персонажа, комедия стремилась осуществить инверсию, основанную на переосмыслении оппозиций: целое – часть. Часть, выступая в качестве заместителя целого, тем самым как бы временно, в ги-

потетичном порядку, узурпує чужі властивості та якості, і в результаті настає санкція в формі сміху. Сміх в більшості випадків – форма осуду, неприйняття тимчасового порушення легітимного руху життя.

Інверсія – одна з найбільш характерних примет античного комедійного мислення. Сюжет античної комедії оснований на видвиженні в центр її художнього світу другої частини наступних опозицій: ідеальне – матеріальне, божественне – людське, ціле – частина. Пародійна, шутлива емансипація другої частини перерахованих опозицій виражає ідею тимчасового розпаду цілого світопорядку, виниклого і існуючого завдяки волі богів.

В давньогрецькій комедії відбувається переміщення онтологічних фрагментів. Нижні фрагменти буття тимчасово займають місце верхніх. Онтологічні фрагменти олицетворяються комедійними персонажами. Вони виступають наглядними знаками розпаду світопорядку. Найбільш органічною формою відображення цього процесу є метонімія. Характерно, що маски комедійних акторів по суті своїй метонімічні, так як на них зображено певне емоційне стан діяючого обличчя комедії. Маски дозволяють маніфестувати розпадаючий облик персонажів, сигналізуючи, що і сам людина в комедії виступає в якості метонімії, частини спотвореного світу, так як грає роль агента цього світу, який швидко рухне під вибухами сміху глядачів.

Переміщення фрагментів буття здійснюється в комедії в формі інверсії основних функцій міфологічних персонажів: в цьому випадку відбуваються ситуації переходу влади від сильних до слабких, від богів до птахів або людей. Крім того, інверсія статевих ролей: чоловік замість жінки (часто) і навпаки – жінка замість чоловіка, також забезпечує створення комічного ефекту.

Міфопоетичне свідомість в Стародавній Греції руйнувалося під впливом багатьох факторів: економічного підйому і наступної матеріальної та соціальної диференціації; зростання міст і міської культури; розширення торгівлі та мореплавства, обумовившого знайомство греків з іншими традиціями та звичаями. В умовах розвитку полісів механізми розуміння світу, запропоновані міфологічною традицією, були явно неадекватні змінюваним соціальним умовам. Руйнування міфопоетичного світогляду в Стародавній Греції вимагало глибоких змін в суспільній свідомості. Норми, традиції, звички, регулюючі суспільні зв'язки в родовому суспільстві, вже не були здатні упорядкувати нові стосунки з їхньою більш складною структурою та різноманітністю можливостей. Традиція поступово поступає творчості, передієленість – свободі, колективізму – індивідуалізму.

Індивідуалізація та зростаюча ступінь свободи не могли не відобразитися в стихії комічного. Зростаюча роль розуму в сміховій культурі проявляється в ряду особливостей: сміх вже не представляється незрозуміло-божественним, чому можна бути лише співучасником. Тепер він – просто інструмент для досягнення різних (соціальних, філософських, етичних, політичних) цілей. В залежності від цих цілей, єдина сміхова культура редукується та розпадається на ряд форм. Для літератури післякласическої епохи характерно жанрове різноманітність («сократический» діалог, менапсія, сатира, памфлети, епіграми та ін.). Ядро сміхової культури складають «раціоналізовані» жанри, привносять в сферу комічного серйозний відтінок.

Колективний сміх, опираючись на міфопоетичне свідомість, був найважливішою складовою античного континууму. Він знаходив вираження в відповідних культурах, обрядах, літературних жанрах. «Між тим колективний сміх, – відзначає сучасний дослідник сміхової культури А. А. Сичев, – тільки інструмент зведення різних шарів світопорядку, «плавильний

котел» экстремумов культуры. Он не вещает истину, а показывает ее принципиальную нелинейность, множественность; путь к ней лежит через коммуникацию, синтез и медиацию противоположностей – то есть через серьезно-смеховое отношение к миру» [5, с. 96]. Если официальная серьезность отрицает часть истины – ее комическую сторону, то и чистый смех отрицает часть истины – сторону серьезную.

Мифопоэтический смех не выступал в целом против официальной серьезности; более того – косвенно поддерживал ее, сохраняя социальную стабильность. Первобытный праздник был формой катарсиса – очищения от деструктивных желаний; дионисическая оргия завершалась аполлоническим видением; античные ритуальные насмешки над триумфатором были, в конечном счете, формой осанна, а не издевательства. Соответственно, серьезность не препятствовала смеху, а легитимировала его – в определенных социально установленных рамках. Мифология и связанные с ней античные праздники, средневековый карнавал пытались воссоздать объемное видение мира, соединяя крайности в единое целое.

Мифопоэтическое сознание, являясь основой культуры античного и средневекового общества, тем не менее видоизменялось, трансформировались и социальные функции смеха, подготавливая условия для вызревания новых общественных отношений. Ренессансные особенности смеха, его связь с мифопоэтической традицией представляют научный интерес и могут быть предметом дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. Вулис А. З. Метаморфозы комического [Текст] / А. З. Вулис. – М. : Искусство, 1976. – 125 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев // Миф – Число – Сущность. – М., 1994. – С. 5–216.
3. Лосев А. Ф. Мифология [Текст] / А. Ф. Лосев // Философская энциклопедия. – М. : Сов. энциклопедия, 1964. – Т. 3. – С. 457–467.
4. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира [Текст] / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 111 с.
5. Сычев А. А. Смех как социокультурный феномен [Текст]: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 : защищена 10.12.04. / А. А. Сычев. – Саранск, 2004. – 362 с.
6. Хюбнер К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. – М. : Республика, 1996. – 448 с.

Надійшла до редколегії 24.04.2014 р.

УДК 821. 111

Л. П. Привалова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Э. СПЕНСЕР – ПОЭТ И ПРИДВОРНЫЙ. К ДИСКУССИИ О СТАТУСЕ ПОЭЗИИ И ПОЭТА В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ

Рассматриваются представления Э. Спенсера о статусе поэта в елизаветинской Англии. Как придворный поэт Спенсер испытал воздействие итальянского петраркизма. Его подражание стилю Петрарки было связано с поисками ресурсов для обогащения языка английской поэзии. В духе маньеристического эксперимента Спенсер вступает в творческое соревнование со своим предшественником, существенно трансформируя петраркистский канон. Как правило, придворные поэты не афишировали своё творчество, их произведения существовали в форме